

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090

В. А. Маслов

Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах

Резюме. С учетом колоссальной значимости для уголовной политики достоверной исходной информации криминологического характера в статье исследуется вопрос отражения в данных официальной статистики объективной картины борьбы с преступностью. С использованием метода статистического анализа исследуется количество зарегистрированных преступлений в России (2012–2022 годы); поступление дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции (2012–2022 годы); количество осужденных в России, лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, их удельный вес в общей массе осужденных, структура и удельный вес осужденных в разрезе категории совершенного преступления (2012–2022 годы); количество и удельный вес находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц в зависимости от возраста на момент совершения преступления, а также с учетом повторности назначения лишения свободы (2012–2021 годы); преступления лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (2012–2021 годы). Ряд исследуемых показателей для наглядности представлен в виде диаграмм. Уделено внимание уменьшению количества зарегистрированных преступлений при одновременном росте обращений в органы внутренних дел. Констатируется вызывающий обеспокоенность факт стабильно высокого удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности, факт увеличения как краткосрочных (до 1 года), так и длительных (свыше 10 лет) сроков лишения свободы лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых. Акцентируется внимание на проблемах непропорционального снижения количества лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, осужденных за изнасилования, роста удельного веса несовершеннолетних, осужденных за убийство. В заключение сформулирован ряд рекомендаций для корректной работы со значимой для борьбы с преступностью информацией; отмечены наиболее важные статистические тенденции, как положительно, так и отрицательно характеризующие криминальную ситуацию в России.

Ключевые слова: преступность; уголовная политика; уголовно-правовая политика; официальная статистика; латентность; эффективность уголовной политики; судимость; категории преступлений; преступность несовершеннолетних; структура преступности; преступления против собственности; убийство; рецидивная преступность; лишение свободы

Для цитирования: Маслов В. А. Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 67–90. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090

Official Statistics and Assessment of the State of the Fight against Crime in 2012–2022

Villy A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Taking into account enormous importance of reliable initial criminological information for criminal policy, the paper examines the issue of reflecting an objective picture of the fight against crime in official statistics. Using the method of statistical analysis, the author examines: the number of registered crimes in Russia (2012–2022); reported cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction (2012–2022); the number of convicts in Russia, the number of individuals with criminal history on record or with an outstanding conviction, their share in

© Маслов В. А., 2024

the total number of convicts, the structure and proportion of convicts in the context of committed crimes (2012–2022); the number and proportion of convicted persons in correctional colonies for adults, depending on the age at the time of the crime, as well as taking into account the repetition of imprisonment (2012–2021); crimes of persons serving their sentences in educational colonies for minors (2012–2021). A number of the studied indicators are presented in the form of diagrams for clarity. Attention is paid to reducing the number of registered crimes while increasing appeals to the internal affairs bodies. The paper highlights as a matter of concern the fact of a consistently high proportion of grave and especially grave crimes in the crime structure, the fact of an increase in both short-term (up to 1 year) and long-term (over 10 years) terms of imprisonment of persons serving sentences in correctional colonies for adults. Attention is focused on the problems of a disproportionate decrease in the number of persons held in educational colonies for minors convicted of rape, an increase in the proportion of minors convicted of murder. In conclusion, the author provides a number of recommendations for the correct work with information relevant to the fight against crime, highlights the most important statistical trends, both positively and negatively characterizing the criminal situation in Russia.

Keywords: crime; criminal policy; criminal law policy; official statistics; latency; effectiveness of criminal policy; criminal record; categories of crimes; juvenile delinquency; crime structure; crimes against property; murder; recidivism; imprisonment

Cite as: Maslov VA. Official Statistics and Assessment of the State of the Fight against Crime in 2012–2022. *Lex russica*. 2024;77(1):67-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090

Введение

Стратегическая деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности (уголовная политика) должна базироваться на достоверной информации криминологического и социального характера. Невозможно переоценить значимость необходимой для борьбы с преступностью информации еще и потому, что посредством ее анализа представляется возможным оценить эффективность данной деятельности.

Вместе с тем задача установления объективного положения дел в сфере борьбы с преступностью достаточно труднодостижима. Об этом, в частности, говорит В. В. Лунеев, указывая на то, что «мы не имеем сколько-нибудь полных и надежных и конкретных данных о криминологической обстановке»¹. Недостаток столь значимой для акторов уголовной политики информации именуется М. М. Бабаевым «феноменом неопределенности», который с очевидностью «рождает массу сложнейших проблем в области формирования и применения уголовного и уголовно-исполнительного права»². Отдельно стоит отметить и то, что авторы считают обоснованным судить об эффективности уголовно-

правового воздействия «по корреляции эмпирических показателей уголовно-правового воздействия и изменений в преступности»³.

Представляется, что вопрос эмпирического базиса уголовной политики стоит на сегодняшний день достаточно остро, что предполагает необходимость исследования возможностей официальной статистики отражать объективную картину борьбы с преступностью.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследованы:

- количество зарегистрированных преступлений в России (2012–2022 гг.);
- поступление дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции (2012–2022 гг.);
- количество осужденных в России (2012–2022 гг.);
- количество осужденных лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, их удельный вес в общей массе осужденных (2012–2022 гг.);

¹ Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 50.

² Бабаев М. М. Неопределенность и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 14.

³ Мышко Ф. Г., Аминов Ф. Г. Где скрываются резервы эффективности уголовно-правовой политики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 51.

— структура и удельный вес осужденных в разрезе категории совершенного преступления (2012–2022 гг.);

— количество осужденных по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ (2012–2022 гг.);

— общая численность отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых (2012–2021 гг.);

— количество и удельный вес находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц в зависимости от возраста на момент совершения преступления (2012–2021 гг.);

— количество и удельный вес осужденных к лишению свободы в исправительных колониях для взрослых с учетом повторности назначения лишения свободы (2012–2021 гг.);

— преступления лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (2012–2021 гг.).

Допустимость официальной статистики

Несомненно верной видится точка зрения М. М. Бабаева о том, что недопустимо использование официальной статистики «в качестве базового (а порой и единственного) обоснования важных управленческих решений»⁴.

Примем данную точку зрения в качестве базовой, однако же отметим, что за неимением лучшего критерия, позволяющего столь глобально и масштабно смотреть на преступность в масштабах всего государства, авторы уголовной политики всё же вынуждены обращаться к статистическим данным.

Справедливым видится высказывание ученых относительно соотношения официальной статистики и реального положения дел в сфере борьбы с преступностью. Так, Э. Ф. Побегайло считает, что «число зарегистрированных преступлений — это лишь надводная часть айс-

берга, это “виртуальная”, “отчетно-бумажная” преступность. По экспертным оценкам, с учетом колоссальной латентности (гиперлатентности) реальный массив преступности превышает регистрируемый в 4–6 раз»⁵. В. В. Лунеев указывает, что реальная преступность превышает официально зарегистрированную в 3–5 раз⁶. А. Л. Репецкая утверждает, что зарегистрированным выступает лишь каждое пятое убийство⁷. А. В. Наумов (со ссылкой на экспертные оценки) отмечает, что уровень латентной преступности составляет 70–80 % от реальной⁸.

Масштабы расхождения, безусловно, впечатляют, и понимания того, что необходимо особое внимание уделять изучению такого свойства преступности, как латентность, уже явно недостаточно. Необходимы конкретные действия, направленные на сближение данных официальных и неофициальных источников, приближение их к истинным (объективным) показателям.

Забегая вперед, сто́ит отметить и то, что анализ данных затруднен не только свойством латентности, но и рядом других факторов. Укажем, к примеру, существенные проблемы при определении причинно-следственных связей (в частности, между ростом абсолютных или относительных показателей того или иного вида преступности и законодательными корректировками наказуемости данного деяния) ввиду разнообразия общественных отношений, как и в принципе проблему ограниченности возможностей влияния на преступность уголовно-правовыми средствами.

Здесь уместным представляется указание на то, что в текущих условиях выстраивать стратегию борьбы с преступностью необходимо не столько на статистических показателях, свидетельствующих об абсолютных числах, сколько на показателях динамических. Авторов уголовной политики, конечно, должен настораживать факт существенного количества преступлений конкретного типа, но еще более их должен тре-

⁴ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 37.

⁵ Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ имени И. Канта. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. 2007. С. 6.

⁶ Лунеев В. В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 3. С. 45.

⁷ Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 66.

⁸ Наумов А. В. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 135.

вожить факт стабильного роста на протяжении некоторого периода времени (увеличения доли в общей массе преступлений и т.п.).

Количество зарегистрированных преступлений (официальная статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации)

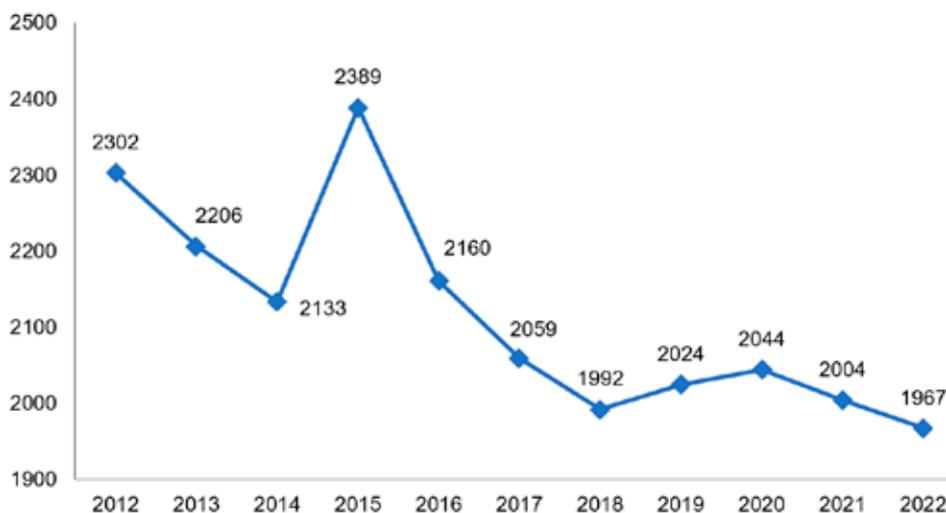
Исходным числом, демонстрирующим сферу борьбы с преступностью и общее состояние

российского общества в части противодействия криминальным угрозам, выступает, конечно же, количество ежегодно совершаемых преступлений.

Статистика зарегистрированных преступлений (тысяч): в 2012 г. — 2 302,2; 2013 г. — 2 206,2; 2014 г. — 2 166,4; 2015 г. — 2 388,5; 2016 г. — 2 160,1; 2017 г. — 2 058,5; 2018 г. — 1 992; 2019 г. — 2 024,3; 2020 г. — 2 044,2; 2021 г. — 2 004,4; 2022 г. — 1 966,8 (диаграмма 1⁹).

Диаграмма 1

Количество зарегистрированных преступлений в России в 2012–2022 гг. (тыс.)

Указанную динамику можно охарактеризовать положительно.

Во-первых, кривая преступности за 10 лет более чем впечатляющая и свидетельствует о снижении количества зарегистрированных преступлений на 14,6 %. Вместе с тем уместным видится мнение А. В. Майорова о том, что фиксируемое общее снижение показателей преступности и ее отдельных видов может быть обусловлено не только улучшением криминальной ситуации в стране, но и декриминализацией ряда составов, а также достаточно высоким уровнем латентности преступности¹⁰.

Во-вторых, достигнутые «успехи» в борьбе с преступностью выглядят существенно скром-

нее, если анализировать не 10, а 5 лет — снижение лишь на 4,5 %.

В-третьих, стоит задаваться вопросом и о росте числа зарегистрированных преступлений в 2015 г., что мы связываем в большей степени как с началом финансового кризиса в России в 2014 г., так и с событиями на юго-западе России.

Подтверждением наших выводов является совершение в 2015 г. 996 тыс. краж (+ 11,7 %), 198 тыс. мошенничеств, существенный рост удельного веса преступлений террористического характера (+ 35,8 %) и экстремистской направленности (+ 27,7 %)¹¹.

В-четвертых, с 2018 г. фактически наблюдается стабилизация рассматриваемого пока-

⁹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 11.04.2022).

¹⁰ Майоров А. В. Краткий аналитический обзор состояния преступности на территории Российской Федерации (2010–2017 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 123.

¹¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/item/7087734> (дата обращения: 09.01.2023).

зателя (колебания в пределах 1–2 % от года к году).

Вместе с тем о том, что данные показатели не в полной мере отражают объективную картину, можно утверждать уже постольку, поскольку они не соответствуют установленной тенденции к ежегодному среднестатистическому приросту преступности, исчисляемому в пределах 3–7 % в развитых странах¹². Безусловно, сопоставимость данных далеко не абсолютна (в том числе потому, что они характеризуют страны Западной Европы (как и СССР) в период с 1960 по 1990 г., охватывают не весь массив преступлений, а лишь некоторые конкретные виды и т.д.), однако же говорить о том, что тенденция к росту, демонстрируемая на протяжении нескольких десятилетий, не просто сошла на нет, но и сменилась снижением (хотя бы на примере Российской Федерации), видится преждевременным.

Кроме того, интересен и тот факт, что с учетом количества населения России (по состоянию на 1 января 2023 г. — 146,4 млн человек¹³) коэффициент преступности составляет 1 343,6 на 100 тыс. населения, в то время как при сопоставимой численности населения (147,4 млн человек) данный показатель в 1990 г. был равен 1 248¹⁴. Для сравнения отметим, что аналогичный показатель в США по состоянию на 2019 г. был 2 489,3¹⁵.

Диаграмма 1, несмотря на очевидную лаковичность и абстрактность, не позволяющую делать сколь бы то ни было конкретные выводы о необходимости коррекции уголовной (в особенности уголовно-правовой) политики, тем не менее достаточно наглядно демонстрирует, что при исследовании вопросов борьбы с

преступностью целесообразно воздерживаться от указания на безусловные положительные результаты в борьбе с преступностью при аргументации внесения правок в уголовный закон под знаменем «гуманизации»¹⁶.

Уточним, что в данной публикации мы не ставим себе цель составить прогноз тех или иных показателей преступности, равно как и выработать методiku, позволяющую прогнозировать те или иные вероятностные изменения, чему периодически уделяется внимание в научной среде¹⁷. Задача настоящей публикации — выявить некоторые закономерности процесса борьбы с преступностью за последнее десятилетие, опираясь на данные официальной статистики, а также (в меньшей степени) оценить возможности, риски, проблемы и перспективы использования сведений официальной статистики.

Количество зарегистрированных преступлений и количество обращений в органы внутренних дел

В продолжение довода А. В. Майорова¹⁸ отметим, что аналогичным вопросом задается В. А. Номоконов, отмечая парадоксальность ситуации, когда росту количества обращений в органы внутренних дел сопутствует снижение числа зарегистрированных преступлений (зарегистрированных преступлений с 2008 по 2010 г. стало меньше на 26 %, а количество сообщений и заявлений о происшествиях выросло на 14 %)¹⁹.

Привести актуальные данные относительно количества обращений в органы внутренних

¹² Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. С. 23.

¹³ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site_.xlsx (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁴ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 86.

¹⁵ Население США и уровень преступности на 100 000 человек, 1960–2019 гг. // Центр катастроф (The Disaster Center). URL: <https://www.disastercenter.com/crime/uscrime.htm> (дата обращения: 04.05.2023).

¹⁶ См., например: пояснительная записка к законопроекту № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 09.01.2023).

¹⁷ См., например: Васин Ю. Г. Прогнозирование преступности: перспективы стохастического подхода // Право и государство: теория и практика. 2015. № 7. С. 101–108.

¹⁸ Майоров А. В. Указ. соч. С. 123.

¹⁹ Номоконов В. А. Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера сегодня, завтра. 2012. № 3. С. 49 ; Он же. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского

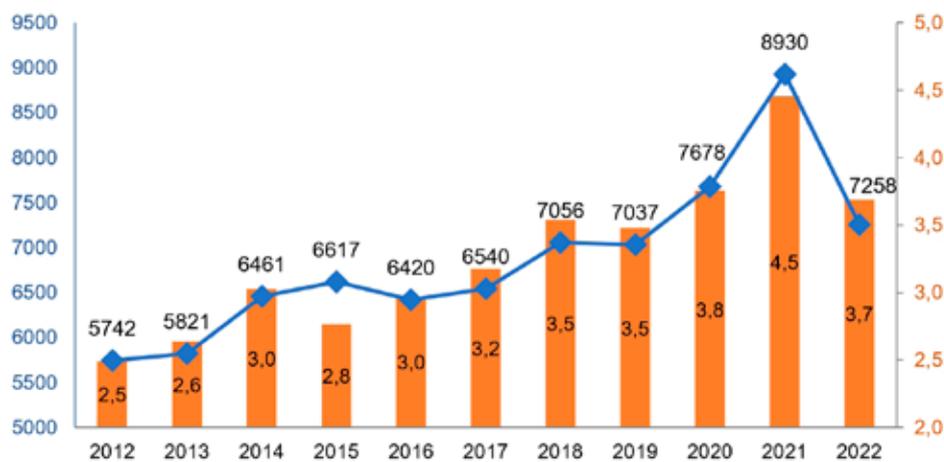
дел не представляется возможным, поскольку данная статистика официально не публикуется. Вместе с тем объяснить указанную «парадоксальность», по крайней мере в некоторой степени, можно, обратив внимание на следующее:

1. Обращения в органы внутренних дел далеко не всегда касаются совершенного преступления.

К примеру, возможно, привести статистику поступления дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции: 2012 г. — 5 742 тыс. дел; 2013 г. — 5 820 тыс.; 2014 г. — 6 460 тыс.; 2015 г. — 6 617 тыс.; 2016 г. — 6 419 тыс.; 2017 г. — 6 540 тыс.; 2018 г. — 7 056 тыс.; 2019 г. — 7 037 тыс.; 2020 г. — 7 535 тыс.; 2021 г. — 8 930 тыс.; 2022 г. — 7 258 тыс.²⁰ (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Поступление дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции (2012–2022 гг.), их количество в расчете на одно зарегистрированное преступление (тыс.)

Нужно понимать, что с учетом указываемой В. В. Лунеевым корреляционной зависимости, согласно которой при росте на тысячу правонарушений должно наблюдаться увеличение на 40–50 преступлений²¹, количество административных правонарушений, поступивших в суды общей юрисдикции в период с 2012 по 2022 г., возросло на 1 560 тыс., что должно было привести к росту количества преступлений на 31–39 тыс. В действительности количество преступлений уменьшилось на 335 тыс.

Представляется, что рост количества дел об административных правонарушениях, рассматриваемых в судах общей юрисдикции, более чем на 1,5 млн (на 20,9 %), может рассматриваться как причина соразмерного уменьшения количества совершаемых уголовно наказуемых

деяний. Данная гипотеза среди прочего подтверждается и тем, что ежегодный рост числа преступлений нередко связывается с ростом численности населения, а в период с 2012 по 2022 г. произошло увеличение численности населения России лишь на 2,7 %.

Стоит отметить и то, что, в ряде случаев разрешение дела об административном правонарушении не находится в компетенции суда, что позволяет утверждать, что указанные показатели лишь часть от общей массы административных правонарушений и в действительности объем деяний, «перетекающих» из преступления в административные правонарушения, еще больше.

2. Повышение степени доверия к органам внутренних дел (62 % опрошенных в 2022 г. в

юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 33 ; *Он же*. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 440.

²⁰ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.04.2023).

²¹ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 158.

сравнении с 57 % в 2021 г.²²) привело к тому, что граждане, ранее предпочитавшие не обращаться за защитой своих нарушенных прав, сочли возможным это сделать.

3. Декриминализация и депенализация ряда ранее уголовно наказуемых деяний (в том числе посредством введения в уголовное законодательство административной преюдиции). К примеру, изменения в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса РФ²³, о необходимости которых в свое время говорила Н. А. Лопашенко²⁴; изменения наказуемости побоев, на которые указывала, к примеру, О. А. Малышева²⁵ и которые, как утверждают ученые, до сих пор не доведены до логического завершения²⁶, но вместе с тем привели к искусственному снижению регистрируемой преступности на 5 %²⁷.

4. Указанное на диаграмме 2 соотношение преступлений и административных правонарушений, демонстрирующее рост (с 2,5 правонарушений на 1 преступление в 2012 г. до 3,7 правонарушений на 1 преступление в 2022 г.), очень далеко от данных, характеризующих Россию в начале 1990-х, когда на одно преступление было 14,5 административных правонарушений²⁸ (даже с учетом того, что мы опираемся исключительно на дела об административных правонарушениях, поступившие в суды общей юрисдикции). Данное обстоятельство позволяет предположить, что увеличение числа административных правонарушений при снижении числа преступлений является закономерным, естественным возвращением к более «нормальному» с точки зрения общественного

развития соотношению данных асоциальных явлений.

Соглашаясь с тем, что для установления объективной картины в сфере борьбы с преступностью необходим учет большого количества факторов, считаем возможным обратиться к рассмотрению структуры осужденных за совершение преступлений, признавая данный показатель одним из значимых для формирования и оценки эффективности уголовной политики.

Количество осужденных (официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Динамика данного показателя выглядит следующим образом (тыс.): 2012 г. — 739,3; 2013 г. — 735,6; 2014 г. — 719,3; 2015 г. — 733,6; 2016 г. — 741,3; 2017 г. — 697,1; 2018 г. — 658,3; 2019 г. — 598,2; 2020 г. — 531; 2021 г. — 565; 2022 г. — 578,8 (диаграмма 3).

Интересен и тот факт, что коэффициент осужденных составляет 395,5 на 100 тыс. населения, в то время как в 1990 г. данный показатель был 364²⁹.

Существенным мыслится рассмотрение количества осужденных за преступления против жизни и здоровья, поскольку, как справедливо отмечает Г. Ю. Лесников, показателем степени правовой защищенности личности в провозглашаемом демократическом правовом государстве выступает динамика преступлений против личности³⁰, значимую долю которых составляют преступления против жизни и здоровья.

²² См., например: Доверие полиции : мониторинг. 10 ноября 2022 г. / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring> (дата обращения: 09.01.2023).

²³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 29.12.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁴ Лопашенко Н. А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 44.

²⁵ Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006.

²⁶ Артюшина О. В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья // Правоприменение. 2017. № 3. С. 136.

²⁷ Бахарев Д. В. Об иллюзиях и реалиях российской уголовной политики последнего десятилетия // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 13.

²⁸ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 157.

²⁹ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 86.

³⁰ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 19.

Диаграмма 3

Количество осужденных в России (2012–2022 гг.) (тыс.)

Так, динамика преступлений против жизни и здоровья следующая (тыс.): 2012 г. — 119,8; 2013 г. — 123; 2014 г. — 118,1; 2015 г. — 112,8; 2016 г. — 110,5; 2017 г. — 88,4; 2018 г. — 79,7; 2019 г. — 71,2; 2020 г. — 62,1; 2021 г. — 62,5; 2022 г. — 60,3.

В свою очередь, насущным представляется рассмотрение динамики преступлений против собственности как традиционно наиболее распространенных уголовно наказуемых деяний (тыс.): 2012 г. — 339,6; 2013 г. — 324,6; 2014 г. — 303,2; 2015 г. — 307,1; 2016 г. — 291; 2017 г. — 263,8; 2018 г. — 249,2; 2019 г. — 229; 2020 г. — 206,3; 2021 г. — 218,4; 2022 г. — 227,8.

В сравнении с 2012 г. общее количество осужденных уменьшилось на 160 тыс. (21,7 %); количество осужденных за преступления против собственности сократилось на треть (112 тыс., или 32,9 %); осужденных за преступления против жизни и здоровья стало меньше вдвое (60 тыс., или 49,7 %).

Стоит отметить и то, что удельный вес преступлений против собственности снизился с

45,9 % в 2012 г. до 39,4 % в 2022 г., притом что авторы еще в 2010 г. отмечали тенденцию, согласно которой 60 % случаев правоприменения (около 1,8 млн фактов) приходится на преступления против собственности (что составляет лишь 4 % норм Особенной части УК РФ)³¹. Данная цифра фигурирует и в настоящее время. Так, исследователи констатируют, что в 2022 г. было совершено 1 169 495 преступлений против собственности (59,5 % от общего числа зарегистрированных преступлений)³². Существенная разница показателей не может не вызывать вопросов, к примеру, как при совершении более 1,1 млн преступлений против собственности осужденных по статьям гл. 21 Особенной части УК РФ лишь 227,8 тыс. Даже принимая во внимание распространенность ситуации осуждения по совокупности преступлений, стоит тем не менее указать на постоянную переработку форм статистической отчетности, усложняющую работу с данными³³.

Отметим и то, что не могут не вызывать вопросов показатели удельного веса осужден-

³¹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 5.

³² Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, С. А. Невский, М. М. Бабаев [и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2023. С. 9.

³³ См., например: указание Генпрокуратуры России и МВД России от 29.12.2021 № 790/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»; указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»; указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

ных за преступления против собственности в общем числе осужденных, последовательно снижающегося на протяжении всех 10 анализируемых лет с 45,9 % в 2012 г. до 39,4 % в 2022 г. (в 2017 г. данный показатель составлял и вовсе 37,8 %), тогда как в индустриально развитых странах доля корыстных преступлений составляет более 90 %³⁴. Безусловно, стоит понимать, что в число данных составов включаются не только преступления против собственности. Однако, признавая, что данные преступления априори составляют основную массу деяний, совершаемых из корыстных побуждений, сопоставимо низкий уровень преступлений против собственности и демонстрируемая динамика, по всей видимости, говорят:

а) либо о растущей латентности преступности против собственности;

б) либо о высокой выявляемости иных преступлений;

в) либо о том, что Россия идет каким-то уникальным, несвойственным индустриальным странам путем, когда корыстные мотивы совершения преступлений уступают иным намерениям.

Помимо наметившейся тенденции к росту числа осужденных (с 2021 г.), стоит обратить внимание на существенный рост как абсолютных показателей, так и доли в общей массе осужденных лиц, совершивших преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Если в 2012 г. таковых было 14,6 тыс. (2 %), то в 2022 г. таких уже более 64 тыс. (11,1 %). Данный рост обусловлен криминализацией нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию³⁵.

Представляется, что данное законодательное решение, хотя и подверглось критике, к

примеру, в части несовершенства конструкции³⁶, проблем с законностью применения ст. 264.1 УК РФ³⁷, тем не менее оказало положительное влияние на дорожно-транспортный травматизм: тенденция к росту количества осужденных по ст. 264 УК РФ с 10,6 тыс. до 15,3 тыс. в период с 2009 по 2013 г. сменилась последовательным снижением до 8 тыс.

Рецидивная преступность

Отдельного рассмотрения заслуживает преступность лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности (рецидивная преступность), в качестве значимого индикатора эффективности уголовной политики в целом и пенитенциарной политики в частности. Отметим, что авторы в свое время указывали на то, что динамика лиц, привлеченных к уголовной ответственности и ранее совершавших преступления, отличалась существенным ростом с 377 401 в 2008 г. до 548 382 в 2016 г. (145,3 %)³⁸.

Согласно официальным данным, количество лиц с неснятой или непогашенной судимостью, осужденных за преступления, выглядит следующим образом (тыс.): 2012 г. — 254,3; 2013 г. — 250,3; 2014 г. — 241,8; 2015 г. — 234,3; 2016 г. — 221,6; 2017 г. — 224,1; 2018 г. — 231,6; 2019 г. — 222,2; 2020 г. — 204,8; 2021 г. — 220,8; 2022 г. — 223 (диаграмма 4).

Указанная динамика наглядно демонстрирует, что снижение абсолютных показателей осужденных, имеющих неснятую или непогашенную судимость, на 31 тыс. человек (или на 12,2 %) обусловлено лишь общим снижением количества осужденных, в то время как относительно удельного веса осужденных лиц, количество привлекаемых к ответственности лиц,

³⁴ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 68.

³⁵ Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 81.

³⁶ Жуков А. М. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ): Уголовно-правовой анализ и проблемы применения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 149.

³⁷ Зейналов Ф. Н., Коблев П. С. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 20.

³⁸ Бражников Д. А., Афанасьева О. Р., Коваленко В. И., Маликов С. В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 75.

Диаграмма 4

Осужденные лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость (тыс.); их удельный вес в общей массе осужденных (%) (2012–2022 гг.)

юридически имеющих судимость, по сравнению с 2012 г. увеличилось на 4,1 % (а в сравнении с 2016 г. на 8,6 %).

Отдельно подчеркнем, что анализируемые статистические данные охватывают категорию юридически судимых лиц, в то время как количество лиц, преступивших черту уголовного закона повторно, в действительности больше за счет лиц, судимость которых снята или погашена. Так, исследователи отмечают, что в 2022 г. 60,4 % расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления³⁹.

Данные показатели наглядно демонстрируют насущное требование комплексности при работе с криминологически значимой информацией.

Структура осужденных в разрезе категории совершенного преступления

В контексте рассмотрения вопроса об исходных данных для уголовной политики особое внимание стоит уделять и количеству осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, поскольку, как верно отмечает Э. Ф. Побегайло, «в массиве регистрируемой преступности значительную часть (примерно 60 %) долгое время

составляли тяжкие и особо тяжкие преступления (в 2001 г. их было зарегистрировано почти 1,8 млн, в 2008 г. — 851 тыс.)»⁴⁰.

В настоящее время динамика выглядит следующим образом (тыс.): 2012 — 213,7; 2013 — 212,5; 2014 — 215,6; 2015 — 214,7; 2016 — 201,4; 2017 — 184,6; 2018 — 170,3; 2019 — 161,4; 2020 — 141,6; 2021 — 162,5; 2022 — 168,3 (диаграмма 5).

За анализируемый период фактически на одном уровне осталось число осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести. Количество осужденных за совершение тяжких преступлений и преступлений особой тяжести имеет отрицательную динамику, с тенденцией к росту с 2021 г. Наиболее существенное в абсолютных показателях снижение демонстрирует число осужденных за совершение преступлений средней тяжести, которых стало на 134 тыс. в год меньше в сравнении с 2012 г.

В свое время А. Б. Мельниченко отмечал, что «несмотря на фиксируемое уголовной статистикой снижение объема тяжкой преступности, следует иметь в виду, что это ни в коей мере не снижает степени угрозы преступности национальной безопасности России. Речь идет лишь о чисто статистическом уменьшении объема уголовно наказуемых деяний, категория которых определена ч. 4, 5 ст. 15 УК РФ за счет их “перетекания” в регистрируемый массив преступ-

³⁹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития. С. 11.

⁴⁰ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 24.

Диаграмма 5

Лица, осужденные за преступления (тыс.)

лений средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ)⁴¹, в связи с чем представляется необходимым обратить внимание на структуру осужденных лиц в зависимости от категории совершенного преступления (диаграмма 6).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что столь серьезных опасений насчет указанного ученым «перетекания» быть не

третье совершенное преступление (34,1 %) признавалось преступлением средней тяжести, то к 2022 г. таковым признается практически лишь одно из пяти (20,4 %), в то же время каждый второй осужденный в 2022 г. совершил преступление небольшой тяжести.

Акцентируем внимание на том, что именно комплексный подход позволяет чуть более уве-

Диаграмма 6

Удельный вес лиц, осужденных за преступления в зависимости от категории (%)

должно, поскольку по крайней мере с 2012 г. данный процесс происходит между категориями средней и небольшой тяжести, удельный вес осужденных за тяжкие преступления и преступления особой тяжести колеблется в диапазоне от 26 до 30 %. Если в 2012 г. каждое

ренно судить о состоянии борьбы с преступностью в разрезе категорий преступлений и, несмотря на общую положительную динамику, утверждать о необходимости обращать особое внимание на вопросы противодействия наиболее общественно опасным посягательствам.

⁴¹ Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 12.

**Осужденные за убийство
(ст. 105 УК РФ)**

С учетом колоссальной значимости такого направления уголовной политики, как борьба с убийствами, уместным видится рассмотрение количества осужденных за убийство (суммарно по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ) (тыс.): 2012 г. — 9,5; 2013 — 9,3; 2014 г. — 9,2; 2015 г. — 9,1; 2016 г. — 8,9; 2017 г. — 8; 2018 г. — 7,2; 2019 г. — 6,2; 2020 г. — 5; 2021 г. — 5,6; 2022 г. — 5,3 (диаграмма 7).

Э. Ф. Побегайло, указывая на то, что в СССР коэффициент убийств был существенно ниже показателей современности: «в 1956 г. — 4,9, в 1966 г. — 6,1, в 1976 г. — 7,0, в 1985 г. — 6,8», утверждает, что необходимо брать в расчет как количество неопознанных трупов, так и число без вести пропавших и не найденных, указывая, что в 2007 г. в России неопознанных трупов было 76 780, без вести пропавших и не найденных 49 498⁴⁴.

Если количество осужденных за убийство в 2021 г. составляет 5,6 тыс., то, согласно сведе-

Диаграмма 7

Количество осужденных по ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК РФ (тыс.)

Указывая в очередной раз точку зрения А. Л. Репецкой, согласно которой зарегистрированным выступает лишь каждое пятое убийство⁴², отметим и высказывание Э. Ф. Побегайло о том, что в России учет убийств осуществляется по фактам, а не по жертвам⁴³.

Вышеуказанное накладывает существенный отпечаток на возможность компаративистских исследований рассматриваемого вопроса, констатируя среди прочего неуместность простого «механического» сравнения показателей зарубежных государств и России. Очевидно, что полученные подобным образом данные при их экстраполяции на количество жителей (к примеру, в расчете на 100 000 населения) будут существенно искажать реальную картину.

Росстата, количество погибших по причине убийства составляет уже 5,8 тыс. человек, что, по всей видимости, обусловлено учетом осужденных не только по ст. 105 УК РФ, но и по ст. 106–108 УК РФ. Еще более впечатляет цифра 48 тыс. человек, умерших в 2021 г., причина смерти которых неизвестна⁴⁵.

На примере убийств можно проиллюстрировать существенную разницу и очередной раз акцентировать внимание на проблеме сопоставимости данных и их корректной оценке. Так, если рассчитать долю умышленных убийств в структуре преступности по итогам 2022 г., то получается 0,27 % (5,3 тыс. осужденных от 1 966,8 тыс. преступлений). Если же рассчитать число осужденных за умышленное убийство

⁴² Репецкая А. Л. Указ. соч. С. 66.

⁴³ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности С. 24.

⁴⁴ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности. С. 26.

⁴⁵ Демография // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.01.2023).

в общей массе осужденных (578,8 тыс.), то получается уже 0,92 %. Число осужденных за умышленное убийство в расчете на 100 тыс. населения составляет 3,6, что более чем в два раза ниже динамики умышленных убийств в СССР (России) в период 1956–1996 гг. (6,6)⁴⁶. Для сопоставления: в США данный показатель в период с 2010 по 2019 г. колебался от 4,4 до 5,4⁴⁷.

С учетом указанных выше данных за период 1950–1980-х гг. и того, что в 1992 и 1995 гг. в России совершалось 15,7 и 21,4 убийства в расчете на 100 тыс. населения⁴⁸, можно констатировать в целом положительную динамику, но с тенденцией к росту с 2021 г. Вместе с тем согласимся с авторами относительно необходимости учета для корректных выводов межведомственных данных, равно как и совершенствования системы идентификации причины смерти.

Официальная статистика Федеральной службы исполнения наказаний России

Еще один показатель, значимый, на наш взгляд, для формирования и оценки уголовной политики, — количество лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (иногда именуемый авторами как «тюремное население»). В конце 2000-х гг. ученые утверждали, что количество лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (колониях и тюрьмах), а также находящихся до суда под стражей (в следственных изоляторах и других учреждениях, выполняющих их функции), составляло 893 тыс. человек. «В расчете на 100 тыс. населения это близко к показателям США и намного (многократно) больше, чем в европейских странах. Причем наблюдается ярко выраженная тенденция к

значительному возрастанию доли осужденных к лишению свободы (среди всех осужденных): в 1991 г. — 207,3 тыс., в 2001 г. — 368 тыс., в 2003 г. — 252 тыс., в 2006 г. — 314 тыс.»⁴⁹.

Руководство ФСИН России, в свою очередь, заявляет, что вследствие либерализации уголовно-исполнительной политики государства стабильно сокращается: «за последние 10 лет их численность сократилась практически на четверть миллиона человек»⁵⁰.

Данные показатели подтверждаются и на уровне Правительства России. Так, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, по состоянию на 1 января 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 482,9 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых, что на 381,1 тыс. человек меньше, чем в 2010 г. (864 тыс. человек)⁵¹. Последние официальные данные указывают, что по состоянию на 1 января 2023 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 тыс. человек⁵².

Значимым индикатором видится численность лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых. Поскольку сведений относительно 2022 г. на момент написания статьи не опубликовано, ограничимся 2021 годом⁵³ (диаграмма 8).

Вслед за констатацией снижения общей численности отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых на 232,5 тыс. (39,7 %) уточним, что значимой видится характеристика лиц, осужденных за совершение преступления в разрезе возраста на момент совершения преступления. Для наглядности ограничимся динамикой двух возрастных групп: до 25 лет включительно и от 26 до 55 лет — как наиболее часто встречающихся (диаграмма 9).

⁴⁶ Лунев В. В. Преступность XX века. С. 199.

⁴⁷ Центр катастроф (The Disaster Center). Население США и уровень преступности на 100 000 человек, 1960–2019 гг. URL: <https://www.disastercenter.com/crime/uscrime.htm> (дата обращения: 04.05.2023).

⁴⁸ Лунев В. В. Преступность XX века. С. 95.

⁴⁹ Наумов А. В. Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4. С. 3.

⁵⁰ Все меньше арестантов // Российская газета. 23.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/22/chislennost-zakliuchennyh-v-rf-obnovila-istoricheskij-minimum.html> (дата обращения: 11.04.2022).

⁵¹ Распоряжение правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

⁵² Федеральная служба исполнения наказания : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 21.04.2022).

⁵³ Федеральная служба исполнения наказания : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2022).

Диаграмма 8

Общая численность отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых (тыс.)

Диаграмма 9

Количество (тыс.) и удельный вес (%) находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц в зависимости от возраста на момент совершения преступления

В целом количество лиц, совершивших преступление в возрасте до 55 лет, в исправительных колониях для взрослых уменьшилось на 216,9 тыс. (39,6 %). При этом лиц, совершивших преступление в возрасте до 25 лет, стало меньше на 85 тыс. (68,5 %), а совершивших преступление в возрасте от 26 до 55 лет — на 132 тыс. (31,1 %).

Интерес представляет также удельный вес возрастных категорий лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Так, если в 2012 г. каждый пятый осужденный, находящийся в исправительной колонии для

взрослых, совершил преступление в возрасте до 25 лет (а в 2008 г. даже каждый четвертый (27,1 %)), то к 2022 г. таких лиц стало в двое меньше (11,6 %). В категории совершивших преступление в возрасте от 26 до 55 лет наблюдается рост удельного веса на 10,4 процентного пункта (с 72,5 % до 82,9 %).

Демонстрируемая тенденция снижения как абсолютных, так и относительных показателей содержания в колониях для взрослых лиц, совершивших преступления в возрасте до 25 лет включительно, должна быть оценена положительно.

Отметим, что указанная динамика общего снижения находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц, помимо прочего, связана с реализацией в отечественной уголовной политике института амнистии, несмотря на неоднозначное нормативное регулирование⁵⁴, равно как и отношение общества к указанному институту⁵⁵, воплощение предписаний которого в жизнь позволяет руководству ФСИН России указывать, что значительное количество лиц покинули места лишения свободы. К примеру, по итогам амнистии в связи с 70-летием победы в Великой отечественной войне (2015 г.) из исправительных учреждений для взрослых было освобождено 34,5 тыс. человек⁵⁶.

Интересна и характеристика сроков лишения свободы осужденных в колониях для взрослых (диаграмма 10).

правоприменитель всё чаще использует возможность назначения минимальных сроков лишения свободы. В то же время в науке существует точка зрения о весьма низкой эффективности кратких сроков лишения свободы⁵⁷. Со свойственной гуманитарным исследованиям вероятностью выводов отметим, что указываемая авторами низкая эффективность краткосрочного лишения свободы, наверное, должна иллюстрироваться последствиями подобного «недостаточного» превентивного воздействия и находить отражение в увеличении, к примеру:

а) абсолютных и (или) относительных показателей лишения свободы на более длительные сроки, чего мы не наблюдаем, поскольку и лишение свободы на срок от 1 года до 3 лет (на 58,3 тыс., или 3,1 %), и лишение свободы на срок от 3 до 5 лет (на 66 тыс., или 3,7 %), и ли-

Диаграмма 10

Характеристика сроков лишения свободы осужденных в колониях для взрослых (%)

Во-первых, отметим стабильный ежегодный рост количества лиц, осужденных на срок до одного года лишения свободы, с 1,5 % в 2012 г. до 4,2 % в 2021 г. (с 9,1 тыс. до 14,6 тыс.). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что

лишение свободы на срок от 5 до 10 лет (95,6 тыс., или 1,7 %) демонстрируют снижение. Лишь удельный вес осужденных к срокам лишения свободы от 10 до 15 лет демонстрирует увеличение с 11,5 % в 2012 г. до 15,8 % в 2021 г. (при

⁵⁴ Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2012. № 1. С. 40–43.

⁵⁵ Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 9. № 1. С. 26.

⁵⁶ Подведены итоги амнистии в связи с 70-летием победы в Великой отечественной войне. 27.10.2015 // URL: <https://fsin.gov.ru/news/> (дата обращения: 09.07.2021).

этом в абсолютных цифрах данных лиц стало меньше на 11,8 тыс.);

б) количества преступающих черту закона повторно (это будет указано ниже), что также не позволяет говорить о проблемах в части назначения лишения свободы на краткие сроки.

Во-вторых, если в 2012 г. наиболее распространенные сроки лишения свободы (от 1 года до 10 лет) составляли в совокупности 81,5 %, то к 2021 г. данный показатель снизился до 73 %.

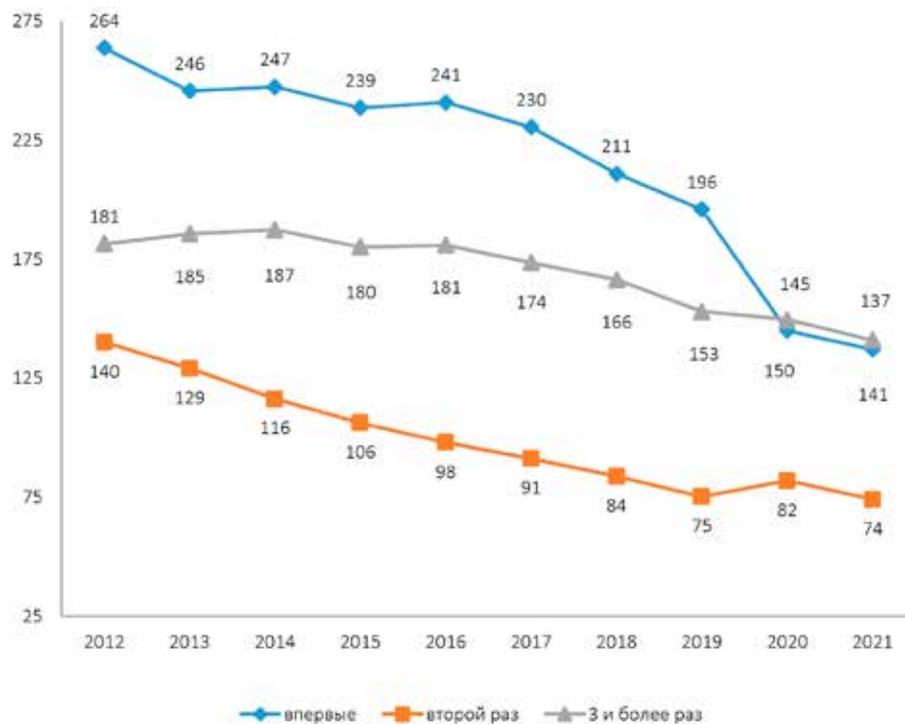
В-третьих, вызывает беспокойство рост удельного веса лиц, находящихся в колониях для взрослых, осужденных к срокам лишения свободы свыше 10 лет и пожизненно, каковых в 2012 г. было лишь 16,9 %, а в 2021 г. уже 22,9 %. Общая численность отбывающих нака-

зание осужденных к длительным срокам лишения свободы, уменьшившаяся с 98,8 тыс. до 80,7 тыс. лиц (18,4 %), с учетом общего снижения числа лиц, отбывающих наказание в колониях для взрослых (232,5 тыс., или 39,7 %), не может не вызывать опасений и с очевидностью требует соответствующей реакции государства, в том числе с учетом того, что в советские времена «наука и практика высказывались категорически против как длительных и сверхдлительных, так и кратких сроков лишения свободы»⁵⁸.

Отдельного внимания заслуживает структура осужденных к лишению свободы в исправительных колониях для взрослых в разрезе применения к данным лицам лишения свободы ранее (диаграмма 11).

Диаграмма 11

Количество осужденных к лишению свободы в исправительных колониях для взрослых с учетом повторности назначения лишения свободы (тыс.)

Данные показатели позволяют утверждать, что снижение количества лиц, осужденных к лишению свободы, на 232,5 тыс. (39,7 %) про-

изошло: во-первых, за счет лиц, осужденных к лишению свободы впервые, — на 127 тыс., или 48 % (с 264 тыс. до 137 тыс.), и, во-вторых,

⁵⁷ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 28 ; Крылов Г. В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 145.

⁵⁸ Пудовочкин Ю. Е. Исправление средствами уголовного права: возможные перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. 2017. С. 129.

за счет тех, кто осужден к лишению свободы второй раз, — на 66 тыс., или 47,1 % (с 140 тыс. до 74 тыс.). Количество осужденных к лишению свободы в третий и более раз снизилось как в абсолютном, так и в относительном исчисле-

нии меньше — со 181 тыс. в 2012 г. до 141 тыс. в 2021 г. (на 22,3 %).

Наглядно изменившаяся структура количества осужденных к лишению свободы выглядит следующим образом (диаграмма 12).

Диаграмма 12

Осужденные к лишению свободы (исправительные колонии для взрослых)

Самое значимое изменение видится в увеличении на 9,2 процентных пункта доли осужденных к лишению свободы третий и более раз. Если в 2012 г. каждый третий (30,9 %) осужденный к лишению свободы уже был ранее дважды лишен свободы, то в 2021 г. таких лиц уже четверо из десяти (40,1 %).

Показательна динамика осуждаемых к лишению свободы впервые: в 2012 г. таковых было 264 тыс. (45,1 %), в 2021 г. — 137 тыс. (38,9 %).

Особого внимания требует преступность несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних. Авторы справедливо предлагают совершенствовать уголовный закон и практику его применения, «исходя из определения степени соответствия норм УК РФ международным стандартам прав ребенка»⁵⁹, указывают на то, что существует «необходимость крими-

нализации таких деяний, как попустительство преступной деятельности несовершеннолетних...»⁶⁰, отмечая, что рост числа совершенных несовершеннолетними преступлений и числа подростков, совершивших эти преступления, будет свидетельствовать о низкой степени предупредительной работы органов внутренних дел с преступностью несовершеннолетних. Однако чрезмерное число подростков, поставленных на учет в органах полиции за совершение правонарушений, вряд ли можно считать «победой» либо «поражением» в профилактической деятельности инспекций по делам несовершеннолетних⁶¹.

Наглядной видится статистика с указанием наиболее распространенных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними (диаграмма 13).

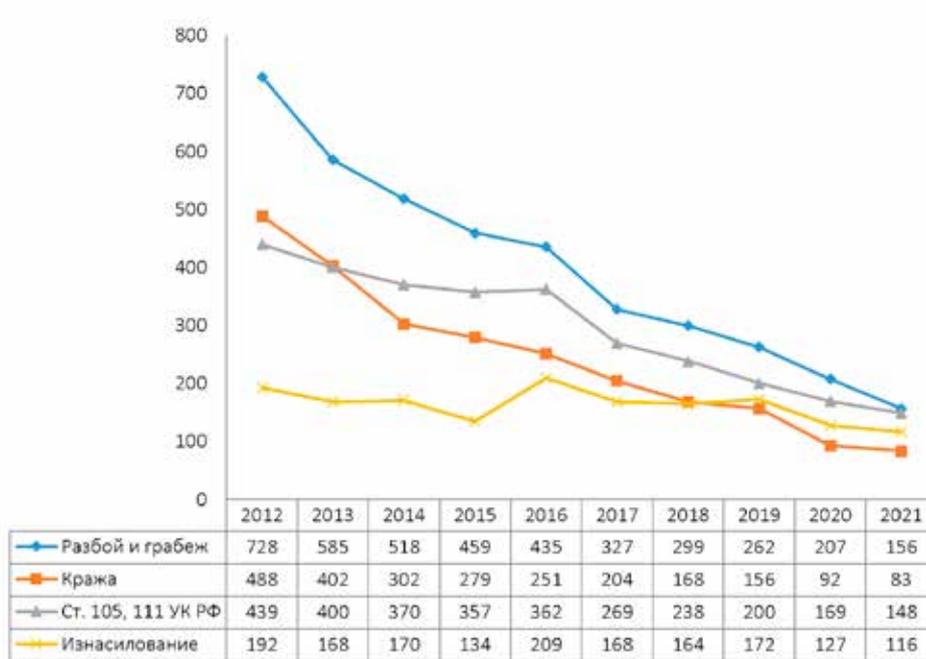
⁵⁹ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9.

⁶⁰ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы... С. 12.

⁶¹ Новичков В. Е. Реформировать российскую полицию и изменить качество ее работы в лучшую сторону можно! // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2012. № 1. С. 101.

Диаграмма 13

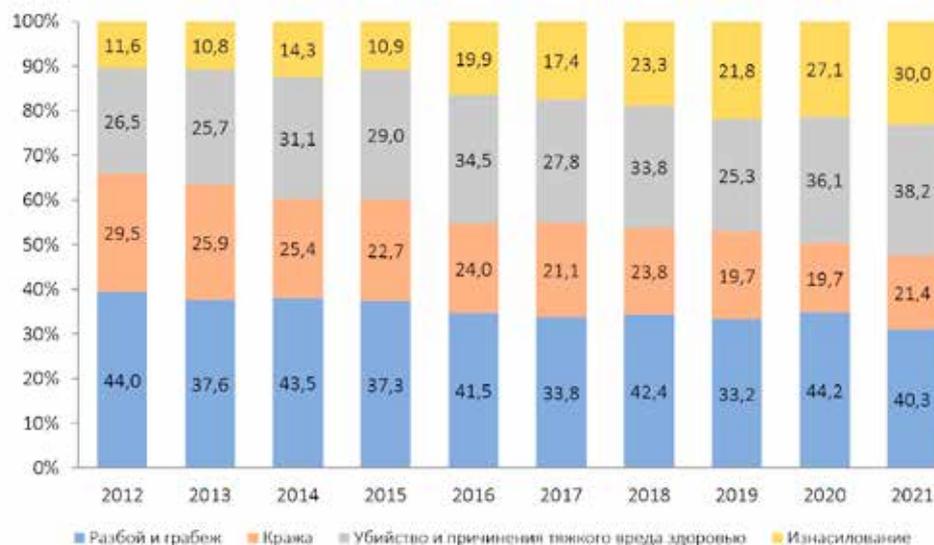
Преступления лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних

С установлением доли рассматриваемых преступлений несовершеннолетних картина выглядит следующим образом:

Диаграмма 14

Структура преступлений лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (%)

Относительно преступности несовершеннолетних представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, можно констатировать снижение в три раза (с 2 293 до 842) количества лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (в 9 раз по сравнению с 2008 г.). Стоит подчеркнуть, что подобная динамика наблюдается относительно всех видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Во-вторых, снижение абсолютных показателей количества несовершеннолетних преступников в большей степени связано с уменьшением количества совершаемых преступлений против собственности: в пять раз разбоев и грабежей (с 728 до 156), краж (с 488 до 83), а в три раза также убийств (с 184 до 65).

В-третьих, вызывает особую обеспокоенность непропорциональное снижение количества лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, осужденных за изнасилования (с 192 до 116), и, как следствие, рост удельного веса таких осужденных в общей массе осужденных с 11,6 % в 2012 г. до 30 % в 2021 г. То, что практически каждый третий, содержащийся в воспитательной колонии для несовершеннолетних, осужден за изнасилование, требует повышенного внимания со стороны государства.

Равным образом рассмотренная структура позволяет утверждать, что не должен оставаться без внимания факт роста доли несовершеннолетних, осужденных за убийство, с 26,5 % в 2012 г. до 38,2 % в 2021 г.

Подчеркнем, что особенности уголовной ответственности несовершеннолетних ученые верно относят к концептуальным началам уголовной политики⁶², а также акцентируем внимание на том, что «репрессивная уголовно-правовая политика должна корректироваться мерами воспитательно-профилактического характера»⁶³.

Заключение

В связи с тем, что составляющими единой уголовной политики следует считать политику уголовно-правовую, криминологическую (профилактическую), уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную (пенитенциарную) и постпенитенциарную, а также с учетом того, что уголовная политика должна быть научно и социально обоснована⁶⁴, количество показателей, которые необходимо принимать в расчет для формирования уголовной политики, чрезвычайно велико. Безусловно, видится необходимым подвергать анализу и профессионализм преступности (количество преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами), ущерб от преступности, восстановление прав потерпевшего от преступления (в первую очередь — материальное возмещение) и ряд иных показателей. Особо подчеркнем, что выстраивание фундамента стратегии борьбы с преступностью немыслимо без акцента на отдельно взятых элементах: конкретных составах преступлений (их группах и видах), конкретных категориях преступников и т.п.

Вместе с тем проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Немыслимо как формирование уголовной политики, так и оценка ее эффективности без установления объективной ситуации в сфере борьбы с преступностью, для чего целесообразно использовать все доступные современные методы, валидности которых необходимо уделять особое внимание. Вместе с тем ввиду латентности и масштабов преступности справедлива оценка официальной статистики в качестве, с одной стороны, базисного элемента уголовной политики, а с другой стороны, инструмента оценки ее эффективности.

2. Особую роль при работе со статистическими данными играет комплексный подход, предполагающий не простое сравнение исходного (первоначального) показателя и итогового, а учет множества факторов, оказывающих существенное влияние на динамику статистического ряда. Базисным видится установление взаимо-

⁶² *Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И.* Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 4. С. 648.

⁶³ *Лесников Г. Ю.* Полинормативность уголовной политики // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2009. № 2. С. 72.

⁶⁴ *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 46.

связи абсолютных и относительных (структурных и пропорциональных) значений.

3. Поверхностный анализ статистических данных МВД России, Верховного Суда РФ, ФСИН России, Росстата позволяет утверждать о наличии позитивных тенденций в динамике борьбы с преступностью, что выражается в уменьшении:

— количества зарегистрированных преступлений — на 14,6 % (2 302 тыс. в 2012 г. и 1 967 тыс. в 2022 г.);

— числа осужденных — на 21,7 % (739,3 тыс. в 2012 г. и 578,8 тыс. в 2022 г.);

— количества осужденных по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ — с 9,5 тыс. в 2012 г. до 5,3 тыс. в 2022 г.;

— общей численности отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых — на 232,5 тыс. (39,7 %);

— количества лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних, — в три раза (с 2 293 до 842).

4. Уменьшение количества зарегистрированных преступлений при одновременном росте обращений в органы внутренних дел в определенной степени можно объяснить:

— возросшим доверием к органам внутренних дел;

— декриминализацией и депенализацией ряда деяний вкпе с существенным ростом количества дел об административных правонарушениях, что свидетельствует не о безусловном отказе лиц от совершения преступлений, а

о «перетекании» некоторых антиобщественных деяний в разряд административных правонарушений.

5. Общим позитивным изменениям статистических показателей сопутствует динамика, на которую авторам уголовной политики стоит обратить самое пристальное внимание, характеризующаяся увеличением:

— количества привлекаемых к ответственности лиц, юридически имеющих судимость, по сравнению с 2012 г. на 4,1 % (а в сравнении с 2016 г. на 8,6 %);

— удельного веса лиц, находящихся в колониях для взрослых, осужденных к срокам лишения свободы свыше 10 лет и пожизненно, каковых в 2012 г. было лишь 16,9 %, а в 2021 г. уже 22,9 %;

— доли несовершеннолетних, осужденных за убийство, с 26,5 % в 2012 г. до 38,2 % в 2021 г.;

— как абсолютных показателей, так и доли в общей массе осужденных лиц, совершивших преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Кроме того, представляется заслуживающим внимания непропорциональное снижение количества лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, осужденных за изнасилования, (с 192 до 116) и, как следствие, рост удельного веса таких осужденных в общей массе осужденных с 11,6 % в 2012 г. до 30 % в 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.

Артюшина О. В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья // Правоприменение. 2017. № 3. С. 135–142.

Бабаев М. М. Неопределенность и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 12–19.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 35–45.

Бахарев Д. В. Об иллюзиях и реалиях российской уголовной политики последнего десятилетия // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 9–14.

Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2012. № 1. С. 40–43.

Бражников Д. А., Афанасьева О. Р., Коваленко В. И., Маликов С. В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 66–78.

Васин Ю. Г. Прогнозирование преступности: перспективы стохастического подхода // Право и государство: теория и практика. 2015. № 7. С. 101–108.

Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650.

Жуков А. М. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ): уголовно-правовой анализ и проблемы применения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 145–153.

Зейналов Ф. Н., Коблев П. С. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 17–22.

Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, С. А. Невский, М. М. Бабаев [и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2023. 102 с.

Крылов Г. В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 170 с.

Лесников Г. Ю. Полиномативность уголовной политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 72–78.

Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 48 с.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 35–44.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.

Лунеев В. В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 3. С. 41–49.

Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. 489 с.

Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 45–52.

Майоров А. В. Краткий аналитический обзор состояния преступности на территории Российской Федерации (2010–2017 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 120–123.

Мальшева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 519 с.

Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 59 с.

Мышко Ф. Г., Аминов Д. И. Где скрываются резервы эффективности уголовно-правовой политики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 48–51.

Наумов А. В. Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 4. С. 3–8.

Наумов А. В. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 134–137.

Новичков В. Е. Реформировать российскую полицию и изменить качество ее работы в лучшую сторону можно! // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2012. № 1. С. 98–103.

Номоконов В. А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 32–36.

Номоконов В. А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 438–446.

Номоконов В. А. Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера сегодня, завтра. 2012. № 3. С. 48–57.

Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 24–36.

Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ имени И. Канта. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. 2007. С. 6–15.

Пудовочкин Ю. Е. Исправление средствами уголовного права: возможные перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 126–133.

Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 59 с.

Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 55–68.

Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 9. № 1. С. 20–27.

REFERENCES

Antonov AD. Theoretical foundations of criminalization and decriminalization. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2001. (In Russ.).

Artyushina OV. Issues of qualification of crimes against life and health. *Pravoprimenie*. 2017;3:135-142. (In Russ.).

Babaev M. M. Uncertainty and problems of law enforcement. *Man: Crime and Punishment*. 2017;25(1):12-19. (In Russ.).

Babaev MM, Pudovochkin YuE. Changes in the Russian criminal law and their criminal and political assessment. *Gosudarstvo i pravo*. 2012;8:35-45. (In Russ.).

Babaev MM, Pudovochkin YuE. Dead norms in the Criminal Code: problems and solutions. *Criminal Law*. 2010;6:4-10. (In Russ.).

Bakharev DV. The illusions and realities of the Russian criminal policy of the last decade. *Journal of the Perm institute of the FPS of Russia*. 2019;4:9-14. (In Russ.).

Bocharnikova LN, Belskiy AI. Problems of realisation of the right to amnesty and pardon in the Russian legislation. *Vestnik of the Belgorod law institute of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2012;1:40-43. (In Russ.).

Brazhnikov DA, Afanasyeva OR, Kovalenko VI, Malikov SV. Criminal situation in the Russian Federation: general state and trends. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2017;3:66-78. (In Russ.).

Endoltseva AV, Endoltseva YuV, Platonova NI. Basics of criminal policy: from theoretical discourse to de lege ferenda. *Russian Journal of Criminology*. 2019;13(4):641-650. (In Russ.).

Goncharova MV, Nevskiy SA, Babaev MM, et al. comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2022 and the expected trends in its development. Moscow: VNII MVD Rossii; 2023. (In Russ.).

Krylov GV. The problems of decriminalization of acts in Soviet criminal law. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 1985. (In Russ.).

Lesnikov GYu. Criminal policy of modern Russia (methodological, legal and organizational foundations). Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).

Lesnikov GYu. The polynormativity of criminal policy. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2009;2:72-78. (In Russ.).

Lopashenko NA. Criminal policy. Moscow: Walters Kluwer; 2009. (In Russ.).

Lopashenko NA. Russian criminal policy regarding economic crimes (analysis of criminal legislation changes). *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2010;4:35-44. (In Russ.).

Luneev VV. Correlation of criminal realities with the theory of law in Russia. *Prologue : Journal of Law*. 2014;2(4):45-52. (In Russ.).

Luneev VV. Crime of the 20th century. Global, Regional and Russian Trends. Moscow: Norma Publ.; 1997. (In Russ.).

Luneev VV. Latent criminality requires systematic monitoring. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2010;3:41-49. (In Russ.).

Malysheva OA. The modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pre-trial stages of criminal proceedings. Dr. Sci. (Law) Diss. Ryazan; 2006. (In Russ.).

Mayorov AV. A brief analytical review of the state of crime in the territory of the Russian Federation (2010–2017). *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2018;1:120-123. (In Russ.).

Melnichenko AB. Criminal law means of ensuring national security of the Russian Federation. Dr. Sci. (Law) Diss. Rostov-on-Don; 2009. (In Russ.).

Myshko FG, Aminov DI. Hideouts reserves the effectiveness penal policy? *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;11:48-51. (In Russ.).

Naumov AV. Criminal statistics: crime and its stability. *Criminal Law*. 2008;4:134-137. (In Russ.).

Naumov AV. On criminal policy in the field of sentencing and execution of punishment. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2008;4:3-8. (In Russ.).

Nomokonov VA. Anti-criminal policy: from liberalization to radicalization? *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2014;1:32-36. (In Russ.).

Nomokonov VA. Criminal «decriminalization». *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012;3:48-57. (In Russ.).

Nomokonov VA. On the criminality of Russian policy in the field of combating crime. *Russian Journal of Criminology*. 2016;3:438-446. (In Russ.).

Novichkov VE. It is possible to reform the Russian police and change the quality of its work for the better! *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*. 2012;1:98-103. (In Russ.).

Pobegailo EF. Criminal policy of modern Russia: the author's concept. *Vestnik of the Kant Russian State University. Economic and Legal Sciences*. 2007;9:6-15. (In Russ.).

Pobegailo EF. The death penalty as an effective measure of public safety. *Public and private law*. 2010;3:24-36. (In Russ.).

Pudovochkin YuE. Criminal law and criminological problems of the prevention of crimes against minors. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).

Pudovochkin YuE, Lapshin VF (ed.). Correction by means of criminal law: possible prospects. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of professors of the Department of Criminal Law of the Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsova. Ryazan; 2017. (In Russ.).

Repetskaya AL. Murders in Russia: the method of determining the latent array. *Tomsk State University Journal of Law*. 2019;32:55-68. (In Russ.).

Skuratov Yul, Churilov SN, Grudinin NS. State policy in the sphere of amnesty and pardon in the Russian Federation: tendencies and contradictions. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2016;9(1):20-27. (In Russ.).

Vasin YuG. Forecasting criminality: perspectives stochastic approach. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2015;7:101-108. (In Russ.).

Zeynalov FN, Koblev PS. Criminal liability for violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2018;4(45):17-22. (In Russ.).

Zhukov AM. Violation of traffic rules by a person subjected to an administrative penalty (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law analysis and problems of application. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;2:145-153. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
д. 66, ул. Корепина, г. Екатеринбург 620057, Российская Федерация
villi@e1.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Villy A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
66, Korepina St., Yekaterinburg 620057, Russian Federation
villi@e1.ru

*Материал поступил в редакцию 9 октября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 29 октября 2023 г.
Принята к печати 18 декабря 2023 г.*

*Received 09.10.2023.
Revised 29.10.2023.
Accepted 18.12.2023.*